

Гяуров Н.

3/IV-86

- 3 ИЮН 1986

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

ПОЛИТИКА
ИДЕОЛОГИЯ

«ЗВЕЗДЫ» МИРОВОГО ИСКУССТВА

Не случайно открываем нашу новую рубрику рассказом о Николае Гяурове. Выдающийся болгарский певец не только четверть века занимает «верхнюю ступеньку» в шеренге басов, но и тесно связан с Москвой, с русским и советским искусством. О нем рассказывает болгарский журналист.

Николай Гяуров родился 13 сентября 1929 года в деревне Лыджене, ныне город Веллингград, в Родопских горах, на юге Болгарии. Говорят, недалеко от тех мест обитал мифический Орфей. В семилетнем возрасте мальчик пел «На прекрасном голубом Дунае» Штрауса, играл на разных инструментах в оркестре своей школы. Пришла пора пройти военную службу, и рядового Гяурова очень скоро начали звать «капитаном». Дело в том, что его товарищам полюбилась песня об отважном капитане из советской кинокартины «Дети капитана Гранта». Через год на заключительном смотре художественной самодеятельности Болгарской народной армии Гяуров спел и эту песенку, и «Кантату о Днепре» А. Александрова. Председатель жюри, один из классиков болгарской музыки Петко Стайнов посоветовал серьезно заняться пением. Да и сам Николай уже мечтал об этом. В 1946 году случайно попал на спектакль «Тоска» с участием выдающегося болгарского певца Христо Брымбарова. Теперь после совета маститого композитора он собрался с духом и прямо в военной форме пришел на квартиру к профессору. Так встретился ученик с Учителем.

В сентябре 1950 года Гяуров приехал в Советский Союз. Сначала учился в Ленинграде, затем в Московской консерватории у Александра Батурина и профессора Розы Альперт-Хасиной. Почти каждый вечер, заняв место в одном из ярусов Большого театра, молодой студент знакомился с искусством крупнейших мастеров советской сцены. Зимой 1951 года в Колонном зале Дома союзов прошло с успехом его первое выступление. Затем он пел не раз и в Большом зале Московской консерватории. А летом, когда возвращался на родину, продолжались упорные занятия с профессором Брымбаровым.

В оперной студии при консерватории 18 апреля 1955 года Гяуров спел свою первую роль — Дона Базилио в «Севиильском цирюльнике». В мае сдал государственные экзамены и вскоре получил диплом о высшем образовании. В августе выпускник Московской консерватории принял участие в конкурсе певцов на Пятом всемирном фестивале молодежи и студентов в Варшаве. Согласно жеребьевке пел последний, в списке награжденных оказался первым. Во втором туре (пел он каватину Алеко) получил 25 баллов из 25 возможных. Через месяц, в Париже на первом Международном конкурсе вокалистов жюри под председательством Тотти Дель Монте присудило Гран При Болгарскому басу, который в финале опять спел каватину Алеко.

Впервые перед болгарской публикой молодой бас выступил с концертами после возвращения из Парижа, а 16 марта 1957 года вышел в партии Дона Базилио. Затем дебют в роли Пимена, концерт накануне национального праздника 9 сентября, и недавно студент снова отправился в Москву: сначала как стажер Большого театра, а затем как полноправный артист прославленного коллектива.

Через несколько лет Гяуров скажет:

— Обо мне часто говорят: «Гяуров из «Ла Скала». Действительно, этот театр дал мне многое, но ничуть не больше того, что дала мне советская музыкальная школа. Именно она указала мне путь к вершинам оперного искусства!

После стажировки началось триумфальное шествие болгарского певца по лучшим сценам мира. Особо он сам выделяет дебют в «Ла Скала» — здесь 20 февраля 1960 года спел Варлаама в спектакле, где Борисом Годуновым был другой знаменитый болгарский бас — Борис Христов. И уже четверть века Гяуров — первый бас прославленного миланского театра.

Как-то Гяуров приехал из Милана в Софию всего за два часа до начала оперы «Дон Карлос». Усталый, взвинченный заторами на дорогах Югославии. Спектакль прошел хорошо, но он подходил к нему со своими, гяуровскими, мерками и был недоволен. Поднимаясь по лестнице после пятой картины, сказал: «Как я мог петь так плохо!» А наверху ждали его человек двадцать, чтобы поздравить с большим успехом. Николай внимательно смотрел на них, слушал похвалы и, вероятно, думал, что кто-то из них по-дружески просто хотел его успокоить, а кто-то — льстил.

— Я спрашиваю его:

— Каково из человеческих качеств вы цените больше всего?

— Честность. Ненавижу двуличных!

— Ваш девиз?

— Нет — фальши, лжи, подлости!

— Какая сцена нравится вам больше всего?

ПЕРВЫЙ СРЕДИ ЛУЧШИХ

— С большим удовольствием пою на сценах многих оперных театров. Каждая имеет свои преимущества — технические удобства, великолепную акустику, исторические традиции. Но три театра особенно мне дороги: Большой театр, «Ла Скала» и Софийская опера.

— Ваша любимая публика?

— Публика тепло всюду меня встречает. Но я люблю петь на сценах Софии перед своими соотечественниками. Хотя это трудно. Ощущаю особую ответственность потому, что здесь родился, и потому, что болгарская музыкальная общественность и критика особенно пристально следят за моим вокальным и актерским ростом. Любый выход на болгарскую сцену — своеобразный творческий отчет. Поэтому я волнуюсь. Но это волнение мне приятно. У болгарской публики, хотя на моей родине и не принято показывать свое одобрение громкими криками, есть особое тепло, которое я ощущаю всем своим существом. Это тепло и придает мне сил!

— Испытываете ли вы волнение перед спектаклем или концертом?

— Я бы сказал, что больше волнуюсь, когда готовлю роль. Мне не страшно перед выходом на сцену, но в таких случаях трудно быть спокойным. Все-таки голос — нечто такое, на что нельзя рассчитывать полностью.

— Назовите самые радостные моменты вашей жизни.

— Два из них запомнились особо. Будучи студентом Музыкальной академии в Софии и отдыхая в Варне, вдруг получаю телеграмму с сообщением, что меня посылают учиться в СССР, страну моей мечты, родину Шалаяпина. Для меня это станет началом упорной учебы. Второй радостный момент был день моего тридцатилетия, когда я узнал, что получено приглашение выступить в миланском театре «Ла Скала».

В 1965 году болгарский певец сыграл две роли, которые привлекли внимание всего музыкального мира. Сначала — Моисея в опере Россини в «Ла Скала». Но «важнейшим событием года» назвали журналисты постановку «Бориса Годунова» в Зальцбурге. Ставил и дирижировал Герберт фон Караян. Среди сотни отзывов выбираю слова в «Ди прессе»: «Все, что можно выразить человеческим голосом, в возможностях Гяурова. Царственное величие, достоинство, страх, сумасшествие, страсть, отцовская любовь — все обретает плоть, когда Гяуров начинает петь». Нарушив установившиеся традиции фестиваля, «Борис Годунов» шел три сезона подряд!

Поднимаясь как-то в миланскую квартиру Гяурова по улице Джованни ди Милано, 15, выйдя из лифта, слышу, как чей-то могучий голос сотрясает воздух. Дверь открывает сын Гяурова, Владимир. Гяуров молча указывает на диван и сам опускается в соседнее кресло. Поет Шалаяпин. Современная техника создает ощущение, что голос звучит во всех углах квартиры. Шалаяпин исполняет сцену смерти Бориса. Когда пластинка кончается, Гяуров поворачивается к сыну и говорит: «Теперь понимаешь, почему Шалаяпин велик? Какая смерть». Потом еще раз запускает пластинку сначала. А через день в «Ла Скала» те же слова скажут о нем. Но пока он наслаждается, учится, восхищается искусством великого русского певца.

В роли Бориса Гяуров выходил на сцену десятки раз — в «Ла Скала» и в «Лирик-опера» в Чикаго (обе постановки болгарского режиссера Петра Штырбанова), в Вене и Париже, в Лондоне и Софии.

В Большом театре Гяуров представил своего Бориса в 1966 году под руководством Геннадия Рождественского. Бурные овации публики и высокие оценки критики говорят, что московский экзамен сдан на «отлично».

9 сентября — национальный праздник социалистической Болгарии. Утром этого дня 1974 года я брал интервью в номере гостиницы «Метрополь», где Гяуров, по его признанию, всю ночь не сомкнул глаз после спектакля «Борис Годунов». «Когда пою в Москве, особенно на сцене Большого театра, очень волнуюсь, — говорил он. — Каждый выход на эту прославленную сцену ощущаю как бесконечно ответственный экзамен. Был бы счастлив узнать, что вчера выдержал его!» И еще слова певца, сказанные в Вене через два года, после очередной премьеры шедевра Мусоргского (после сцены смерти публика аплодировала 35 минут и вызвала «царя» 41 раз!): «С самого начала я поставил перед собой задачу — популяризировать творчество русских и советских композиторов на полнозвучном русском языке. Красивый музыкальный язык! Гениальные композиторы!»

Много раз Гяуров был желанным гостем в СССР — в роли Филипа как солист, с коллективом Софийской оперы и с «Ла Скала». Пел он перед делегатами XXV съезда КПСС и на торжественном концерте по поводу 200-летия Большого театра. 21 апреля 1983 г. спел концерт в Большом театре вместе с замечательной итальянской певицей Миреллой Френи, с которой последние годы он вместе — и в искусстве, и в жизни.

Пишу эти строки в Москве, во время VIII Международного конкурса им. П. И. Чайковского и, поскольку председателем жюри вокалистов является выдающаяся советская певица Ирина Архипова, припоминаю, что она в 1955 году в Варшаве так же, как Гяуров, завоевала «золото». Она не раз выступала и в Москве, и на известнейших сценах мира вместе со своим болгарским коллегой. Поэтому позволю себе закончить статью ее строками, напечатанными в 1973 году. В своей рецензии на спектакли «Дон Карлос» и «Хованщина», называя Гяурова «великим певцом нашего времени», И. Архипова говорит: «Эпитет «великий» применяют к творчеству Николая Гяурова не случайно. И право же, в нем нет преувеличения. Нигде ни разу я не слышала баса, равного по силе, по красоте тембра, каким обладает Николай Гяуров. Не говоря уже о его беспредельной и безупречной музыкальности, о блестящей кантлене, редко в наше время встречающейся. Не говоря, наконец, о Гяурове — певце-актере, исполняющем весь басовый репертуар...»

Болгария гордится своим замечательным певцом — она его вскормила и вырастила. Но Николаем Гяуровым может гордиться и Советская страна, в которой окреп и возмужал его необыкновенный талант!

Александр АБАДЖИЕВ.